

Не пропустите премьеру спектакля «Роковая страсть» в вашем городе про историю любви адмирала Нельсона и леди Гамильтон. Информация и заказ билетов на сайте: showbirzha.com

Максим Дрозд – популярный российский актер, звезда полюбившихся зрителям фильмов «Ликвидация», «Потерянный рай» и многих других. Он вырос в богемной актерской семье, в Одессе. В их дом часто приходили корифеи еще советского кино и театра: Галина Волчек, Эдвард Радзинский, Георгий Товстоногов… Но мечтал Максим совсем о другой жизни. Его больше манил одесский двор, где у него легко могла сложиться карьера авторитетного бандита.

Очень скоро Максим Дрозд приедет в Америку и Канаду в рамках североамериканского тура, который состоится с 29 апреля по 15 марта, со спектаклем «Роковая страсть». Накануне приезда главный редактор журнала «АФИША» Юлия Райдлер пообщалась с любимым актером.

Мой телефонный звонок застал артиста в тренажерном зале, куда он ходит регулярно – поддерживать физическую форму и статус самого привлекательного и сексуального мужчины российского кинематографа. На этот раз он был вместе со своим 17-летним сыном и признался, что как можно чаще старается встречаться со своими детьми, которых у него четверо, и проводить с ними время.

Скажи, пожалуйста, ты близок со своими детьми, часто с ними видишься?

Сын периодически мотается со мной на съемки и в поездки, но я не могу срывать детей из школы. Вот младшую дочку не видел две недели, но как только приехал, с поезда, мы сразу поехали все вместе тусить.

Старший сын, которому 17, он тоже будет актером?
Не знаю, не думаю. Актерская профессия такова – в нее не заталкивают, в нее не вводят, к ней приходят внутренне, по ощущению души, профессия сложная, может сломать судьбу. Поэтому я ни на чем не настаиваю по поводу выбора профессии.

Ты из творческой семьи. Твой отец был известным актером – народным артистом Украины, мама также относится к актерской среде.
Да, я из творческой семьи, в нашем доме бывали и Галина Волчек, и Радзинский, и Товстоногов. У меня некое отторжение было этой богемы, людей искусства, я занимался спортом, меня больше тянуло к правде жизни, в район темных подворотен, дворов, дискотек. По маминой линии я из запорожских казаков, а они все – бандиты.
Поэтому у тебя такой образ сложился, ты очень часто играешь в кино отважных героев.
Да, я играю иногда бандитов, иногда милиционеров, сейчас играю положительные роли. Роли, которые я играю, в них есть кусок меня, моя кровь, здоровье, к которым плюсуются жизненные наблюдения и моя творческая фантазия на тему персонажа.

А какие роли тебе больше нравится играть, бандитов или милиционеров?
Мне нравится играть персонажей, у которых, во-первых, душевный непокой, во-вторых, диапазон большой – это человек, который может быть резким и грубым в какой-то ситуации, а с другой стороны, он никогда котенка не обидит.

Ты ассоциируешься со своими героями?
Нет, как я сказал, там есть чуть-чуть меня, но, как нас учит Станиславский: «Конкретно поставленная задача на творческое подсознание». Чем у человека больше творческое подсознание, тем жирнее и объемнее у него получаются роли. Творческое подсознание – это то, что мы не контролируем, к сожалению, у нас пять процентов сознания, подсознания – 95. Подсознание управляет нами.

А как ты думаешь, это и есть талант актера, когда у него в первую очередь подсознание контролирует процесс?
Наверно, мы же интуитивно постигаем все. Эта профессия творческая, к ремеслу потом приходим, спустя годы, наверно, уже к закату, а так все на уровне эмоциональном и душевном, и интуиции творческой.

На каких фильмах ты воспитывался и какие фильмы тебе нравятся сейчас, если ты ходишь в кинотеатр, следишь за чем-то новым, что происходит вокруг?
Я абсолютно пока не готов к иллюзиону, в который сейчас превращается кино, мне все это неинтересно. Я на это смотрю, как на некое явление, некую новую форму, и пытаюсь с уважением относиться. Но воспитывался я на таких фильмах, как «В бой идут одни старики», «Аты-баты, шли солдаты» Быкова, «Обыкновенное чудо» Захарова. Я никогда не забуду фильм «Председатель» с Ульяновым, «Полеты во сне и на яву» Балаяна с Янковским. Вот такие вещи мне любы, я никогда не забуду «9,5 недель», которые

смотрел еще в видеосалоне, «Сердце ангела» Алана Паркера с Микки Рурком, «Однажды в Америке». Вот эти фильмы! Естественно, я не могу не любить Феллини – «8,5», «Рим», но все равно мне ближе либо криминальная драма, либо какая-то жесткая любовная лирика. Мне нравится американское кино, и когда, например, я смотрю «Красотку», я знаю, что в нем выражена американская мечта – это то, что я называю «свет в конце тоннеля» – happy end. Я обожаю эти фильмы. С возрастом, к 50 годам, понимаю, что Сталлоне – гений, несмотря на то, что все иронизировали и говорили: да ладно, Рембо – куча мышечной массы. Но был Рокки – искренний персонаж, сейчас «Крид» вышел, и я жду выхода второго «Крида». Я даже подписан в Инстаграме на Сталлоне. Надо отдать ему должное, на его фильмах воспитывалось три поколения, на него все хотели быть похожими, потому что он создал гуманного, доброго, прямого героя.

Мне кажется, что ты у многих ассоциируешься именно с таким героем.
Не знаю, не мне судить. Естественно, я не могу не сказать о Скорсезе, на фильмах которого я также рос, начиная с «Бешеного быка», «Славных парней» и так далее. Скорсезе – это явление американской культуры, ему 80 лет, но он умеет говорить на языке молодежи, что самое сложное. Я обожаю Де Ниро – «Казино», «Славные парни», я могу процитировать его роль из «Однажды в Америке». Я рос и на фильмах Андрона Кончаловского с его «Сибириадой», и на фильмах Никиты Михалкова – «Сибирский цирюльник», «Свой среди чужих, чужой среди своих».

Что для тебя самое важное в актерской профессии?
Правда. А самое важное – неожиданная правда и найти себя настоящего, не позволить себе соврать – и когда я зритель, и когда я исполнитель.

Какая, на твой взгляд, твоя лучшая роль на данный момент?
Не знаю, я про себя понимаю гораздо меньше. Меня сейчас пытались выставлять за «Консультанта» на «Золотого орла», за «Штрафника» и за «Мурку». «Консультант» отлетел, не вошел в номинацию, «Штрафник» тоже. Шла «Мурка», но там дали Гармашу, честь ему и хвала, он взрослый мастер и талантливейший человек.

В какие предлагаемые обстоятельства и роли тебе сложнее вжиться, поверить и сыграть?
Мне, наверно, во все сложно вживаться, потому что, если это делать по-настоящему, это всегда сложно. Но чем честнее и искреннее мы в кадре, тем интереснее за нами наблюдать. Мне же интересны люди, которые больше действуют, активные люди. Если бы мне сегодня предложили сыграть Штирлица, который много сидит, думает, от него нельзя глаз оторвать, от Тихонова в этом качестве, за Тихоновым можно наблюдать сколько угодно, как он думает, как он складывает спички, ну и у него, конечно, поддержка прекрасная, голос Капеляна и музыка Таривердиева, но я бы не смог. Мне очень тяжело даются люди, которые загоняют весь темперамент внутрь, у меня не держится темперамент, его надо использовать наружу. Мне сложно играть людей, которые, имея вулкан внутри, внешне спокойны, поэтому я обожаю Де Ниро, который играет все наружу. Аль Пачино – это моя широта, я – южанин, одессит, а они – итальянцы, я не викинг, я не скандинав.

Сегодня у тебя есть возможность выбирать сценарии, чем ты руководствуешься, выбирая?
Интересно или нет. Интересен мне этот человек в его проявлениях или неинтересен.

А часто отказываешься от сценариев?
Отказываюсь уже, да. Несмотря на то, что мне часто приходится работать за деньги, отказываюсь. Как только я вижу представление, а не истинное переживание, как бы ситуацию, вырезанную из картона, вот как бы люди здесь переживают, как только я вижу «как бы», мне становится неинтересно. Интересно исследовать всегда страсти человеческие, истинные страсти, истинные переживания. Когда мы искренне переживаем и у нас в кадре пульс 120 ударов в минуту, в этот момент и зритель по-настоящему переживает.

По отношению к тебе у режиссеров уже есть какой-то сложившийся стереотип?
Конечно, но пока я не хочу его нарушать, когда захочу – нарушу. Я умею это делать, но нам в России за это деньги не платят, я могу быть сегодня атлетом, а завтра, если мне поставят задачу сыграть сумасшедшего математика, у которого кукушка уезжает, я отпущу чуть-чуть животик, мне это ничего не стоит – выпить немного пивка и поесть сладкого месяц. Я буду другой, и могу быть абсолютно атлетичным в свои 50 лет. Когда я захочу придумать новый образ, я его придумаю и скажу продюсерам об этом. Мне интересно сыграть такие роли, как Лектер-Энтони Хопкинс в «Молчании ягнят», «Иствикские ведьмы» – то, что Николсон сыграл. Мне интересно сыграть «Почтальон стучит дважды», я даже хотел спектакль сделать. Это родные мне актеры, я с ними говорю на одном языке, иногда за ними подсматриваю. То, что я вам перечисляю, это пять процентов американского кино. Мы следим за личностями.

Относительно театра. Ты сейчас играешь в каком-то театре?
Нет, не играю, я все время снимаюсь, и когда мне хочется сыграть, я беру чудную пьесу и делаю ее.

Ты человек свободолюбивый?
Да, я и в армии служил, я не люблю вольеры. Я не могу, пусть это даже самая золотая или самая элитарная клетка. Театр – это вольер. Даже элитный театр, туда все ходят, рукоплещут, но это вольер. Там заправляет один человек.

Ты можешь подчиняться или тебе это сложно?
Я подчиняюсь, да, у меня есть авторитеты, и наверно, я бы с удовольствием Де Ниро подчинялся или Скорсезе, за которыми я наблюдаю много лет, и мое наблюдение меня привело к тому, что я добровольно готов им подчиняться.

У тебя были попытки оказаться в Голливуде?
Я хочу оказаться в Голливуде, но меня не зовут туда, мне пару раз звонили, на какие-то кастинги звали. Из Франции звонили, но там я не смог сняться, хотя была такая возможность. А в Голливуде я с удовольствием оказался бы.

От какого предложения ты бы точно никогда не отказался?

Сыграть эпизод с Робертом Де Ниро, Аль Пачино или с Николсоном.

У тебя есть любимые строки стихов?
«Жди меня, и я вернусь, только очень жди».
Спасибо огромное, до встречи на спектакле.

Интервью провела Юлия Райдлер
журнал «АФИША». www.afisha.nyc